

В Диссертационный совет ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации»
119571, г. Москва, проспект Вернадского, д.82

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
на диссертацию Айрапетяна Давида Армиковича
«Трансформация политических процессов в посткапитализме: структурные и
институциональные изменения»,
представленную на соискание ученой степени кандидата политических наук
по специальности 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Обоснование актуальности диссертационного исследования соискателя Д.А. Айрапетяна выстроим на одном обстоятельстве, обычно остающемся вне рассмотрения. Всякий политический порядок держится на определенном распределении знания между управляющими и управляемыми, и это распределение всегда было асимметричным. Новизна нынешней ситуации не в самом факте асимметрии, а в том, что она сменила направление и природу. В классической конфигурации управляющая инстанция знала о себе больше, чем о подвластных: она располагала знанием о собственных намерениях, планах и резервах, тогда как население оставалось для нее статистической абстракцией – отсюда переписи, ревизии, отчетность, весь аппарат государственной статистики как исторический ответ на дефицит знания о собственном обществе.

Сегодня асимметрия перевернулась. Инфраструктура, описанная соискателем, обеспечивает знание о поведении, предпочтениях, перемещениях и связях граждан с разрешением, недоступным никакому историческому государству, тогда как логика формирования управляющих решений становится для гражданина все менее прозрачной – не в силу

засекречивания, а в силу технической невозпроизводимости алгоритмического вывода. Гражданин видим и не видит. Это состояние меняет саму механику политической ответственности: невозможно требовать отчета за решение, основания которого нельзя реконструировать.

Именно здесь работа Д.А. Айрапетяна приобретает актуальность, выходящую за рамки описания текущих процессов. Соискатель фиксирует эту перевернутую асимметрию как структурную характеристику складывающегося порядка и – что существеннее – показывает, что она не является побочным эффектом технологии, а воспроизводится институционально. Тем самым политическая наука получает предмет, о котором может рассуждать в своих собственных категориях подотчетности, представительства и легитимности, а не в категориях защиты персональных данных.

Второе основание актуальности мы видим в проблеме, которую называли бы утратой места политического решения. Классическая политология знает, где находится точка принятия решения: она локализована в органе, процедуре, должности. Инфраструктурное управление размывает эту локализацию – решение оказывается распределенным между техническим стандартом, конфигурацией платформы, ведомственным регламентом и алгоритмической моделью, и ни один из этих элементов не является политическим по своему официальному статусу. Диссертант показывает, что политическое не исчезло, а переместилось в слои, ранее считавшиеся техническими. Это наблюдение имеет прямое практическое следствие: предмет политического контроля должен быть переопределен, иначе контроль сохраняет форму при утрате содержания в условиях, когда устоявшиеся институты капиталистической эпохи начинают давать системные и структурные сбои.

Третье основание – прикладное и, полагаем, наиболее ощутимое для практики государственного управления. Российское государство осуществляет цифровую трансформацию с высокой результативностью в части сервисов и инфраструктуры, но испытывает дефицит средств оценки

политических последствий собственных технологических решений. Показатели зрелости, доли, охваты и индексы измеряют выполнение, а не характер того порядка, который выполнением создается. Соискатель предлагает вполне применимую аналитическую схему «ресурсы – акторы – механизмы – институты», позволяющую оценивать технологическое решение по его институциональному следствию, а не по достигнутому показателю. Это ровно то, чего в ведомственной практике пока что нет.

Наконец, четвертое основание актуальности связано с самой центральной аналитической категорией исследования – посткапитализмом. Социально-экономическая и политическая реальность существенно изменилась со времен К. Маркса, и классические представления о коммунизме как закономерном итоге исторического развития потребовали серьезной теоретической корректировки. Соискатель, проведя обстоятельную систематизацию концептуальных подходов, убедительно показывает: наблюдаемые сегодня тенденции все слабее коррелируют с логикой капиталистического воспроизводства, не выходя, впрочем, за ее пределы окончательно, – тогда как коммунистическая перспектива представляет собой лишь один из возможных (причем далеко не самый вероятный) вектор дальнейшей исторической динамики.

Именно в этом заключается научная значимость избранного подхода и актуальность научного дискурса о посткапитализме. Соискатель не идеализирует ни одну из траекторий перехода, а предлагает описательный инструментарий для эпохи, в которой последовательность бифуркаций не позволяет с определенностью установить, какая именно система сменяет капитализм. Отказ от телеологической схемы здесь, как нам видится, выступает одновременно и методологической осторожностью, и осознанной аналитической позицией: категория посткапитализма используется как рамка для фиксации структурных сдвигов, а не как обозначение заранее известного результата. При таком построении систематический анализ наблюдаемых противоречий становится инструментом реконструкции горизонта

возможного будущего – не прогнозом состояния, а описанием пространства допустимых структурных и институциональных исходов.

Исследование соискателя, выстроено логически и поэтапно представляет результаты, обладающие самостоятельной ценностью.

Первым таким результатом является то, что соискателю удалось описать инфраструктуру как политическую категорию. В диссертации показано, что проектные решения инфраструктурного уровня (архитектура государственных информационных систем, форматы идентификации, принципы межведомственного обмена данными) обладают распределительным эффектом, то есть определяют, кто и на каких условиях получает доступ к правам, услугам и возможностям. Распределительный эффект есть определяющий признак политического. Следовательно, инфраструктурное проектирование политически значимо, по существу, а не по последствиям. Это теоретически перспективный ход, и он открывает целое исследовательское направление.

Вторым ключевым результатом, на наш взгляд, представляется проведенное в работе различие между управляемостью и управлением. Управление предполагает некоторый акт – команду, распоряжение, решение, имеющее автора и адресата. Управляемость есть свойство среды, при котором нужный результат достигается без отдельного акта, самой организацией пространства выбора. Соискатель показывает, что дата-центричный порядок смещает баланс от управления к управляемости, и делает из этого корректный вывод: сокращается не объем власти, а количество поводов для ее видимого применения. Отсюда парадокс, зафиксированный в работе с должной точностью: усиление властного эффекта может сопровождаться уменьшением числа наблюдаемых властных действий. Для теоретической политологии это повод переосмыслить концепты политического управления в условиях, когда власть становится менее ощутимой для человека. В условиях посткапиталистической трансформации дисциплинарные практики, описанные еще М. Фуко, начинают уходить в прошлое, уступая место

«психовласти» (в категории философа Б.Ч. Хана) через позитивное самопринуждение и цифровые технологии. Для эмпирической политологии это предупреждение первостепенной важности, поскольку большинство используемых индикаторов измеряет именно действия.

Третье, что заслуживает внимание в работе – это то, как в ней решен вопрос о конкуренции. Обычно анализ платформенной концентрации ведется в экономических категориях монополии, и политолог оказывается в положении заимствующего чужой понятийно-категориальный аппарат. Соискатель переводит проблему в собственную плоскость: значение имеет не рыночная доля, а незаменимость инфраструктуры для отправления публичных функций. Инфраструктурная незаменимость создает властное отношение независимо от формы собственности и от степени рыночной конкуренции – и именно она объясняет, почему обладатель инфраструктуры участвует в политическом процессе (например, цифровые корпорации), не будучи политическим актором ни по статусу, ни по намерению. Это самостоятельный политологический критерий, и он операционален.

Стоит сказать также о качестве, которое трудно предъявить в перечне результатов, но которое определяет уровень исследования. Работа выдержана в модальности исследования, а не приговора. Соискатель нигде не занимает позицию, с которой описываемый порядок оценивается как отклонение от нормы – потому что нормы для складывающегося порядка еще нет, ее только предстоит выработать политически, возможно, даже будущим поколениям. Автор это понимает и потому описывает не отклонение, а формирование. Для темы, столь легко провоцирующей публицистику и умозрительную спекулятивность, это признак научной дисциплины.

Есть в диссертации Д.А. Айрапетяна, как и в любом научном исследовании, аспекты, вызывающие некоторые вопросы и недосказанности, которые мы можем квалифицировать в качестве персональных замечаний.

Первое такое замечание касается проблемы международной инфраструктурной зависимости, которая в работе присутствует, но не

доведена до концептуального уровня. Соискатель убедительно описывает властные отношения, складывающиеся внутри национального контура. Однако сама инфраструктура, на которой этот контур существует, объективно имеет глобальную распределенную природу: производство вычислительных мощностей, стандарты передачи данных, базовые модели ИИ, инструментальные средства разработки размещены в конфигурации, которую ни один национальный государственно-корпоративный техно-субъект (в категориальном аппарате соискателя - ГКТС) не контролирует целиком. Отсюда следует вопрос, который хотелось бы услышать проработанным: как соотносится властная полнота ГКТС с его технологической несамодостаточностью? В данном ключе возможны разные ответы – от признания многоуровневой природы ГКТС до введения понятия зависимого техно-субъекта, обладающего полнотой власти внутри контура и ограниченной субъектностью вовне его. Полагаем, что разработка этого сюжета усилила бы объяснительную способность модели применительно к вопросам технологического суверенитета и выявления признаков ГКТС в конкретных государствах.

Второе замечание относится к оценке устойчивости описанного порядка. Соискатель подробно показывает механизмы воспроизводства дата-центричной власти, но менее проработан вопрос о ее собственных внутренних ограничителях, о том, что в самой этой модели способно порождать сбои независимо от внешнего сопротивления. Между тем такие ограничители логически предполагаются: управление, основанное на данных о прошлом поведении, обладает пониженной чувствительностью к событиям, не имеющим аналогов в накопленных данных; управляемость, достигаемая через конфигурацию среды, снижает поступление сигналов о нарастающем неблагополучии, поскольку недовольство, не выраженное в наблюдаемом действии, для системы не существует. Иными словами, дата-центричный порядок может обладать структурно сниженной способностью узнавать о собственных проблемах. Обозначение этого класса ограничений придало бы

модели необходимую полноту, поскольку любая теория властного порядка должна отвечать не только на вопрос о механизмах воспроизводства, но и на вопрос об источниках его возможной дисфункции.

Отдельно отметим, что предложенная соискателем аналитическая связка в сочетании с институтом алгоритмической подотчетности создает предпосылки для разработки процедуры институциональной экспертизы цифровых решений – оценки не по достигнутому показателю внедрения, а по характеру перераспределения прав и подотчетности. Но сама такая процедура в работе не разворачивается и не предлагается, что естественно для избранного концептуального жанра, однако логика исследования к ней (процедуре) прямо ведет, и это, по нашему мнению, один из наиболее перспективных выходов диссертации в прикладную плоскость, задающий тон для дальнейшего развития темы.

Все замечания носят дискуссионный характер, представляют собой приглашение к обсуждению в ходе защиты и обозначают перспективные направления научной работы соискателя в будущем.

Учитывая все вышесказанное, считаем целесообразным допустить диссертацию Д.А. Айрапетяна к защите на заседании диссертационного совета.

Вывод: Диссертация Айрапетяна Давида Армиковича «Трансформация политических процессов в посткапитализме: структурные и институциональные изменения» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей важное значение для развития политической науки и практики, что соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 и Порядка присуждения ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, утвержденного приказом ректора ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и

государственной службы при Президенте Российской Федерации» (в редакции приказа от 30 апреля 2025 года № 02-763, приказ об изм. № 02-1313 от 10.07.2025 г.; приказ об изм. 02-1794 от 17.09.2025 г.; приказ об изм. №02-01364/001 от 01.07.2026 г.), а Айрапетян Давид Армирович заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата политических наук по специальности 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии.

Член диссертационного совета РАНХиГС,
главный научный сотрудник
Центра политических исследований
Института гуманитарных технологий
и социального инжиниринга
Факультета социальных наук
и массовых коммуникаций,
профессор Кафедры политологии
Факультета социальных наук
и массовых коммуникаций
федерального государственного
образовательного бюджетного учреждения
высшего образования «Финансовый
университет при Правительстве
Российской Федерации»,
доктор политических наук, профессор

Бродовская Елена Викторовна

«01» октября 2026 г.

125167, г. Москва, Ленинградский
пр., 49/2, рабочий телефон:
+7 (499) 533-12-42,
E-mail: evbrodovskaya@fa.ru

